

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЖИЗНИ

О. ЛЕПЕШИНСКАЯ

В первые дни войны, когда в советском небе стал слышен рокот немецких самолетов, когда начали прибывать первые эшелоны сирот из Прибалтики и Белоруссии, когда на фронт уходили близкие, друзья, товарищи, казалось, что танцевать больше невозможно. Казалось, что мирный труд артистки не может сочетаться с тем великим напряжением борьбы, которое переживает народ, и если мы не можем непосредственно с винтовками в руках сражаться на фронте, то должны стать медсестрами, санитарками или нянкой на завод, где куется оружие для армии. И вот, помню, как однажды на Октябрьском вокзале мы прощались на фронт батальон, в котором было много комсомольцев нашего района. Варуг кто-то сказал: «А вы бы, товарищ Лепешинская, нам станцуйте что-нибудь на прощанье». И в обыкновенном «бытовом» своем платье, под аккомпанемент откуда-то появившейся гармоник, я начала танцевать. Не помню, что это было, кажется, лезгинка. Помню только, что вскоре ко мне присоединились наши ребята, танец стал общим. А потом с фронта к нам в театр пришло письмо, в котором было написано: «Мы будем сражаться до тех пор, пока ни одна поганая немецкая тварь не останется на нашей земле, и мы победим, ибо знаем, что боремся за правду, за человеческое счастье, за русскую культуру, за свое искусство». Значит, подумала я, и в суровые дни войны искусство нужно народу, труд актера необходим в дни войны так же, как и в мирное время.

В 1943 году в кассу Большого театра пришел лейтенант. Отрекомендовавшись, он попросил дать ему возможность купить билет на оперу «Демон» в финале Большого театра. Лейтенант сказал, что в 1941 году он был на этой опере, но во время второго акта была объявлена воздушная тревога, и спектакль прекратили. Тогда он на следующее утро выехал на фронт, а сегодня хочет «досмот-

реть» оперу. Перед тем, как уехать на передовые позиции, перед тем, как идти в бой, человек хочет посмотреть любимую оперу, услышать музыку. Как же велик долг советского артиста перед таким зрителем!

В эвакуации, в г. Куйбышеве, Большой театр, несмотря на ряд трудностей, работал сполной нагрузкой. Были осуществлены постановки: балет «Алые паруса» и опера «Вильгельм Телль», возобновлены многие спектакли, в том числе опера «Кармен» и др. Коллектив трудился без устали. В начале 1943 года артисты Гусев, Преображенский, Реентович (скрипка нашего театра), Жак (концертмейстер) и я задумали подготовить концерт. Балетмейстеры Захаров, Якобсон, Радунский, Поснехин, Попко, художник Вильямс, композиторы Крейн и Юровский приняли самое деятельное участие в осуществлении этого замысла. Работали упорно и с горячим интересом.

Концерт был посвящен Красной Армии. Собранные деньги но при мерным подсчетам составили сумму, нужную для покупки одного самолета. Сознание того, что эта маленькая лепта была нами внесена в общее большое дело, естественно, принесло нам много радости.

Одновременно мы много раз просили отправить нас на фронт. Наконец, пришло известие о том, что, по приглашению Никиты Сергеевича Хрущева, мы отправляемся на 1-й Украинский фронт. Был август 1943 года. Как раз в это время радио сообщило об освобождении Харькова. На другой день мы уже летели в этот город.

Украина! Земля, воспетая Шевченко! Сколько мягкости, красоты в ее природе! Я вижу, как слезы набегают на глаза Литвиненко-Вольгемут и Паторжинского. Два года они не видели Украину, два года прошло с того дня, когда они покинули свой край. Сегодня они вновь вступили на родную землю, и я не берусь описать того чувства, которое испытывали наши украинские друзья!

Вторая столица Украины! С высоты холма кажется, что ничего не изменилось в городе: широкие, просторные улицы, высокие, красивые дома... Мы везжаем в город. Крик ужаса, негодования, боли замирает на устах моих спутников. На улице, по которой мы едем, домов нет, есть только стены; сквозь отверстия окон проглядывает небо. Остатки внутренних лестниц, балконов, зияющие дыры стен — это похоже на дикий, бессмысленный оскал беззубого рта. Все разрушено с чисто немецкой педантичностью!

На следующий день мы выступаем на одном из аэродромов. Начало концерта задерживается; мы ждем возвращения летчиков с боевого задания. Они идут жизнерадостные, веселые.

Советское искусство

Работаем дружно, с подъемом, тяжелые фронтные условия не снижают жизнерадостного тона концертов. В долине, среди высоких тополей, на фоне зелени холмов и яркого синего неба рельефно вырисовывается высокая фигура Козловского — особо тепло и мягко звучит его голос. Непобычайно свежо, с большим юмором и мастерством исполняют сцену Одарки и Караса из оперы «Запорожец за Дунаем» Литвиненко-Вольгемут и Паторжинский. Восторженно встречают Елену Кругликову, народного артиста СССР Ю. Шумского, артистов Киевского театра оперы и балета Масленникову и Руденко.

Чувствую, что от какой-то необычайной взволнованности радостнее бьется сердце. Ощущение важности искусства в эти суровые дни дает актеру большое творческое удовлетворение.

Харьковчане ликуют. Радио приносит радостные вести: взяты города Таганрог, Ельня, Люботин.

Открылись наши театры, показывались наши фильмы, звучала на улицах свободного Харькова наша советская, звонкая, радостная песня. Это было началом выздоровления, возвращением к жизни. Это было так волнующе и величественно, что этого никогда не забыть.